

В. В. Агеносов

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ВОЛНЫ

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

*Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по гуманитарным направлениям*

*Рекомендовано Министерством общего и профессионального
образования Российской Федерации для студентов педагогических вузов
и учащихся средних учебных заведений*

**Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru**

Москва ■ Юрайт ■ 2017

УДК 82(075.8)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6я73
А23

Авторы:

Агеносов Владимир Вениаминович — доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова;

Выгон Наталья Семеновна — доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета;

Леденев Александр Владимирович — профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Рецензенты:

Голубков М. М. — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы XX века Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

Солдаткина Я. В. — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Агеносов, В. В.

А23 История литературы Русского Зарубежья. Вторая и третья волны : учебник для бакалавриата и магистратуры / В. В. Агеносов, Н. С. Выгон, А. В. Леденев. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 176 с. — (Серия : Бакалавр и магистр. Модуль).

ISBN 978-5-534-02929-1 (ч. 2)

ISBN 978-5-534-02923-9

Настоящее издание представляет собой вторую часть (главы 18–23) учебника «История литературы Русского Зарубежья». В этой части даются обзоры второй и третьей волн русской литературной эмиграции, чередующиеся с монографическими главами о творчестве наиболее видных деятелей русской диаспоры (Д. Кленовский, И. Елагин, Н. Моршен, Л. Ржевский и другие).

Содержание учебника соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля, обучающихся по программам академического бакалавриата и магистратуры, аспирантов, преподавателей, а также всех интересующихся вопросами истории литературы Русского Зарубежья.

УДК 82(075.8)

ББК 83.3(2Рос=Рус)6я73

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-02929-1 (ч. 2)
ISBN 978-5-534-02923-9

© Агеносов В. В., Выгон Н. С.,
Леденев А. В., 2017

© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Оглавление

Предисловие	4
Глава 18. «Восставшие из небытия»:	
Ди-Пи и вторая волна русской эмиграции	6
<i>Литература (аннотированный список) .....</i>	<i>42</i>
Глава 19. «Я их изведаль, радости земли...»:	
Дмитрий Кленовский (Крачковский) (1893–1976)	45
<i>Литература (аннотированный список) .....</i>	<i>57</i>
Глава 20. «Здесь чудо все: и небо и земля...»:	
Иван Елагин (Матвеев) (1918–1987)	59
<i>Литература (аннотированный список) .....</i>	<i>68</i>
Глава 21. «Чтоб плыть и плыть, захлебываясь в звездах...»:	
Николай Моршен (Марченко) (1917–2001)	69
<i>Литература (аннотированный список) .....</i>	<i>83</i>
Глава 22. «Две строчки времени»:	
Леонид Ржевский (Суражевский) (1903?1905–1986)	85
<i>Литература (аннотированный список) .....</i>	<i>97</i>
Глава 23. «Племя младое, незнакомое...» Несколько слов о литературе третьей волны русской эмиграции	100
<i>Литература (аннотированный список) .....</i>	<i>130</i>
Вопросы и задания для самоконтроля	132
Указатель имен	134
Литература	169

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, является продолжением одновременно вышедшей в издательстве «ЮРАЙТ» «Истории литературы Русского Зарубежья. Первая волна», посвященной исключительно послеоктябрьской эмиграции (1920–1940).

После 1945 г. первое поколение писателей-эмигрантов пополнилось несколькими десятками в основном начинающих писателей из числа советских военнопленных, остарбайтеров и принципиальных врагов советской власти, отказавшихся возвращаться на родину, где их ждал ГУЛАГ или в лучшем случае жизнь под подозрением в предательстве. К 1950–1960-м гг. они составили костяк авторов Русского Зарубежья.

В 1960-е гг. в вынужденной эмиграции оказалась большая группа писателей, «выдавленных» из СССР из-за несогласия с порядками брежневского застоя.

Именно об этих двух эмиграциях и рассказывает эта книга.

Среди ценителей русской литературы бытует мнение, что обе они уступают литературным шедеврам первой волны, мол, никто из второй и третьей эмиграции не достиг уровня И. Бунина, И. Шмелева, В. Набокова, В. Ходасевича, Г. Иванова, Б. Поплавского. Это и так, и не так.

Во-первых, сами представители послеоктябрьской эмиграции высоко ценили многих из последующей второй эмиграции. Не щедрый на похвалы И. Бунин лестно отзывался о прозе Л. Ржевского, Г. Иванов считал надеждой литературы И. Елагина, Н. Моршена, В. Маркова. Видный критик и ученый Г. Струве, автор первой монографии о литературе Русского Зарубежья называл, кроме уже перечисленных писателей, Д. Кленовского, О. Анстей, А. Шишкову, Ю. Трубецкого, Л. Алексееву, Н. Нарокова, В. Алексеева, Б. Филиппова, Б. Ширяева¹.

Во-вторых, писатели Ди-Пи² и послевоенной эмиграции привнесли в русскую литературу то, что не знали и не могли сказать авторы, покинувшие Россию в 1920-е гг.: художественное повествование о жизни русского народа при советской власти. В романах М. Соловьева, Л. Ржевского, В. Юрасова, С. Максимова, Н. Нарокова и других отразилась героическая и трагическая жизнь родины в 1920–1940-е гг. Многие писатели прошли через ГУЛАГ и задолго до А. Солженицына и В. Шаламова воссоздали панораму жизни человека в этом архипелаге. В стихах и прозе писателей Ди-Пи и второй эмиграции воплотился опыт Второй мировой войны, личные впечатления о фашистских лагерях и немецкой оккупации.

---

¹ Струве Г. Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы. Париж ; М., 1996. С. 259.

² Ди-Пи (Displaced Persons) — перемещенные лица, лица без гражданства.

Не менее значителен и вклад третьей волны эмиграции. В основном это были уже известные советские писатели. Они привнесли в литературу Русского Зарубежья немалый положительный заряд, присущий лучшим произведениям советской литературы. В их книгах воплотился опыт взаимодействия с западной литературой: с творчеством Хемингуэя, Ремарка, Сэлинджера, Маркеса и других. Их язык отражал те гигантские изменения, которые за 60 лет произошли в лексическом словаре русского языка.

Цель этой книги — рассказать о второй и третьей волнах литературы Русского Зарубежья и наиболее известных писателях этих волн.

Было бы неразумным стремиться охватить все творчество того или иного писателя. Во-первых, это не только потребовало бы многих томов, но и просто не под силу одному человеку. Во-вторых, осилить столь большой материал тяжело и читателю. Вполне достаточно познакомиться с основными книгами того или иного художника Русского Зарубежья. А на случай появления углубленного интереса и желания изучить дополнительный материал о творчестве полюбившегося писателя каждая глава завершается подробным аннотированным списком литературы. Список начинается максимально полным перечнем произведений (собраний сочинений), написанных в эмиграции и опубликованных на родине. В первую очередь названы и проаннотированы статьи и монографии, доступные читателю, и лишь затем лучшие работы, изданные за рубежом. Читатель сам решит, с чем из названного ему следует непременно познакомиться, а что можно оставить на потом.

Наличие подробных аннотированных списков избавило автора от необходимости предлагать темы возможных курсовых работ, кандидатских исследований или школьных сочинений. Вдумчивый читатель определит их сам.

Контрольные вопросы в конце книги помогут понять, что же является главным к каждой главе, может быть заставят вернуться к тому, что было упущено в первом чтении.

Удачи студентам и пытливым школьникам, взявшим книгу для углубления знаний о материке «Литература Русского Зарубежья».

Быть может, и любители литературы, уже давно вышедшие из школьного и студенческого возраста, найдут в книге что-нибудь для себя интересное.

Буду благодарен всем, кто сочтет нужным высказать свои продуктивные замечания и предложения по совершенствованию текста книги.

Январь 2017 г.

Глава 18

«ВОССТАВШИЕ ИЗ НЕБЫТИЯ»: ДИ-ПИ И ВТОРАЯ ВОЛНА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В результате изучения материала данной главы студент должен:

знать

- понятия Ди-Пи (*Displaced Persons*) и второй эмиграции;
- литературные издания Ди-Пи;
- творчество писателей дипийцев (первой и второй эмиграции): М. Соловьева, В. Юрасова, С. Максимова, Б. Филиппова, Н. Нарокова; поэтов Г. Глинки, В. Синкевич, И. Буркина и других;

уметь

- находить различия между первой и второй волнами русской эмиграции;
- характеризовать проблематику прозаиков послевоенной эмиграции;
- называть основные направления поэтической эмиграции;

владеть навыками

- использования методики анализа прозы писателей послевоенной эмиграции;
  - анализа информации о периодических изданиях Русского Зарубежья после Второй мировой войны;
  - работы с учебной и научной литературой по теме.
-

До недавнего времени вопрос о делении эмиграции на так называемые волны решался исключительно с точки зрения хронологии: первая волна с 1919 (или 1920) до 1940 г., вторая — послевоенная (1945—1950), с 1960 г. началась третья эмиграция.

Чем больше рос корпус частных исследований, тем более ясно становилось, что в первой эмиграции существует группа писателей, чье творчество весьма далеко от художественного космоса классиков первой эмиграции и, тем более, от «парижской ноты» и гораздо более тесно биографически и эстетически связано с послевоенной эмиграцией. Не случайно, Г. П. Струве в перечень писателей второй эмиграции включил имя *Лидии Алексеевой* (1909—1989), хотя ему не могло не быть известно, что формально она относится к первой волне.

Юрий Павлович Иваск, которого традиционно относили к первой волне, незадолго до смерти (1 февраля 1986 г.) писал Джону Глэду: «Вы, Джон, причислили меня к “первой волне” эмиграции — Гуля, Седых и меня. Это неверно: я, как Чиннов, нахожусь во “второй волне”. Да, начал писать

и печатать до войны, но опять-таки, как Чиннов, НАШЕЛ СЕБЯ в поэзии поздно, уже в Америке»¹.

По мере дальнейшего изучения творчества целого ряда писателей стало ясно, что чисто хронологический подход к принадлежности того или иного автора к первой или послевоенной эмиграции имеет существенные недостатки и создает проблемы для выявления типологических особенностей литературы Зарубежья.

Наиболее выражено эти проблемы проявились применительно к Ю. Иваску, Б. Нарциссову (1906—1982) и А. Перфильеву (1895—1973). Все трое оказались в эмиграции в Прибалтике после Октябрьских событий. И, казалось бы, должны быть отнесены к первой эмиграции. Но, во-первых, Прибалтика некоторое время до Второй мировой войны была частью Советского Союза. И все названные писатели испытали на себе власть Советов: Перфильев застал период советской власти в Латвии, до второй эмиграции (1921) провел год в заключении и лишь в 1944 г. вновь оказался за рубежами СССР. Нарциссов, хотя и не был репрессирован, подвергался этой опасности, был призван в Красную армию, а после войны оказался во французском лагере Ди-Пи. Иваск успел побывать в ГУЛАГе, и в качестве военнопленного оказался в лагере Ди-Пи. Во-вторых, все они испытали то же, что и оказавшиеся в Германии в период войны советские граждане.

Лагерь Ди-Пи прошла **Ирина Сабурова** (1907—1979). Ее книга «О нас» (Мюнхен, 1972) описывает жизнь дипийцев и своим названием говорит о том, что писательница относит к ним и себя.

Не менее сложно сложилась судьба **Николая Кудашева** (1905—1979). Формально он, бесспорно, принадлежит к первой эмиграции. Но, в отличие от ее типичных представителей, не прижился за рубежом, не обрел даже статуса беженца. Не случайно его стихи вошли в первый сборник поэтов второй волны «Стихи» (Мюнхен, 1947), к которым он был в те годы, безусловно, близок по мироощущению («И я степняк, и я гусар, // Но без степей и без коня»).

Бездомность и христианское философское восприятие жизни сблизили Лидию Алексееву (послеоктябрьская эмиграция) и Ольгу Анстей (1912—1985) (послевоенная).

Судьба узника фашистского концлагеря, совершенно неизвестная большинству поэтов и прозаиков первой волны, сближает творчество послеоктябрьского эмигранта Александра Неймирока (1911—1973) с писателями послевоенной эмиграции Г. Глинкой и Л. Ржевским.

Приведенные факты (не говоря уже о творчестве) позволяют пересмотреть сложившееся деление писателей-эмигрантов по времени их отъезда

¹ Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М., 1991. С. 32.

с родины и предложить более точную формулировку: **писатели Ди-Пи и послевоенной эмиграции.**

В эту категорию входят некоторые писатели первой волны, прошедшие те же пути, что и граждане Прибалтийских республик, не желавшие признавать советскую власть; военнопленные, справедливо опасавшиеся возвращения домой; молодые люди, вывезенные с оккупированных фашистами территорий в Германию в качестве дешевой рабочей силы; наконец, это люди, сознательно вставшие на путь борьбы с советским тоталитаризмом. По далеко не полным данным, к 1952 г. только в Европе было 452 тыс. перемещенных граждан СССР. 548 тыс. русских эмигрантов прибыло в Америку в период с 1941 по 1950 г.¹

В послевоенной русской эмиграции было немало людей, посвятивших себя литературному творчеству. Среди них поэты Иван Елагин, Ольга Анстей, Дмитрий Кленовский (1893–1976), Юрий Иваск, Борис Нарциссов, Игорь Чиннов, Валентина Синкевич, поэты и прозаики отец и сын Марченко (взявшие себе соответственно псевдонимы Николай Нароков и Николай Моршен), Сергей Максимов (1916–1967), Владимир Марков (1920–2013), Борис Филиппов, прозаики Леонид Ржевский, Владимир Юрасов (1914–1996), Борис Ширяев (1889–1959) и многие другие. С первой волной новых изгнанников объединяло политическое неприятие советской реальности, связь с дореволюционной культурой (в 1920–1930-е гг., на которые пришлось их детство, ее остатки не были полностью искоренены; к тому же большинство писателей второй волны происходили из образованных семей), горечь изгнания и горечь ностальгии. Если беженцы первых послевоенных лет испытали ужасы революции и Гражданской войны, то на долю эмигрантов второй волны выпал или сталинский ГУЛАГ (Б. Ширяев, Н. Нароков, С. Максимов), или ощущение «вины» за свое происхождение и страха за свое будущее (Д. Кленовский, И. Елагин, Н. Моршен, О. Анстей).

Вопрос взаимодействия художников двух поколений русской эмиграции, тем более творческого влияния мэтров русской литературы на новых эмигрантов, практически не изучен и ждет своих исследователей. Зинаида Шаховская утверждала, что первыми, послереволюционными, эмигрантами «вторая волна была признана за свою»². Ряд писателей первой волны оказывали помощь младшим коллегам. Известно, что постоянный интерес к литературной молодежи проявляли Б. Зайцев, Тэффи, Г. Газданов, Г. Адамович, Г. Иванов. На Западе опубликована переписка Г. Иванова с В. Марковым³, из которой видно не только то, как под воздействием Г. Иванова мужал талант его корреспондента, но и пристальное внимание мэтра к «племени молодому, незнакомому» (Г. Иванов пишет В. Маркову о Н. Нарокове, Н. Моршене, И. Елагине и многих других). Встречи с И. Буниным и письма классика явно оказали влияние на прозу Л. Ржевского. Много и доброжелательно писал о литераторах второй волны Р. Гуль.

¹ The Encyclopedia Americana: International Edition. Vol. 37. N.Y., 1993. P. 525.

² Одна или две русские литературы? L'Age d'Homme, 1981. С. 58.

³ *Odojevceva I., Ivanov G.* Briefe an Vladimir Markov. 1955–1958. Köln–Wien, 1994.

Именно он «благословил» в «Новом журнале» первые книги И. Елагина, Н. Нарокова и Л. Ржевского; заметил рассказ С. Юрасова «Враг народа», переросший затем в роман. Творчество Н. Моршена, Б. Нарциссова и В. Синкевич получило поддержку И. Одоевцевой. Вместе с тем значительная часть послеоктябрьской эмиграции несколько пренебрежительно отзывалась о второй волне, долго жившей в советской реальности, не получившей достаточного образования. Даже через восемь лет после окончания войны Ю. Иваск писал: «Полного взаимопонимания до сих пор нет, хотя разговоры ведутся и книги выпускаются...»¹.

Второй родиной для русских эмигрантов 1940–1950-х гг. стали сначала Германия (преимущественно Мюнхен и его окрестности), затем (для большинства) — Америка.

В Мюнхене находились многочисленные организации русских эмигрантов: Национально-трудовой союз (НТС), Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), радиостанции, вещавшие на Россию. В Мюнхене же активно функционировал Институт по изучению истории и культуры СССР, печатавший работы многих русских эмигрантов.

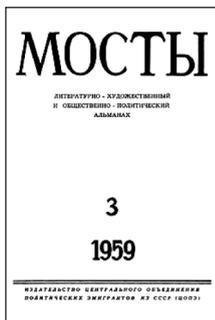
Здесь начал выходить в 1946 г. «журнал литературы, искусства и общественной мысли» *«Грани»* (1946–1996).

В 1959 г. на страницах «Граней» (№ 44) была опубликована антология поэтов обеих волн (составитель Ю. Терапиано), позднее вышедшая отдельной книгой *«Муза диаспоры»* (Франкфурт-на-Майне, 1960).

В 1951–1954 гг. в Мюнхене выпускался журнал литературной критики (альманах) *«Литературный современник»*. В 1958 г. в издательстве ЦОПЭ вышел сборник-антология *«Литературное зарубежье»* с произведениями И. Елагина, С. Максимова, Д. Кленовского, Л. Ржевского, О. Ильинского (1932–2003), Н. Нарокова, Б. Ширяева, О. Анстей, Б. Филиппова, С. Юрасова, Н. Моршена, В. Свена (1897–1971) — практически всех, кто потом определял развитие литературы второй волны.

С 1958 по 1968 г. в Мюнхене вышло 10 из 15 номеров альманаха *«Мосты»*².

Что касается Америки, то наряду с продолжавшим выходить *«Новым журналом»*, охотно печатавшим писателей второй волны эмиграции, здесь существовало несколько крупных издательств русской книги, в том числе издательство имени Чехова, опубликовавшее в 1953 г. антологию *«На Западе»* (составитель Ю. Иваск), куда вошли стихи О. Анстей, И. Елагина, О. Ильинского, Д. Кленовского, В. Маркова, Н. Мор-

¹ Опыты. Н-Й., 1953. № 1.

² Остальные три номера вышли в 1969–1970 гг. в США, куда переехал редактор альманаха Г. Андреев.

шена, Б. Нарциссова, Б. Филиппова, И. Чиннова. В 1966 г. поэтесса Татьяна Фесенко (1915—1995) составила и издала антологию «Содружество: из современной поэзии русского зарубежья» (Вашингтон, 1966). Позднее объединяющим поэтов и художников второй волны стал альманах «Встречи» (с 1977 по 1982 г. — «Перекрестки»), редактируемый поэтом Валентиной Синкевич, на страницах которого встречались поэты и художники как второй и третьей русской эмиграции, так и писатели, живущие на родине. В 2006 г. вышел юбилейный 30-й номер этого издания. В 2007 г. на 31-м номере издание прекратило свое существование, главным образом по финансовым соображениям. Событием литературной жизни стала собранная все той же неутомимой В. Синкевич антология стихов поэтов второй эмиграции «Берега» (Филадельфия, 1992).

По единодушному мнению критики, наибольший вклад в развитие русской литературы второй волны русской эмиграции принадлежит именно поэтам.

Характерно, что почти все они начинали с политических стихов, часто даже сатирических. Иван Елагин в стихотворении «Амнистия» проклинает убийц своего отца¹, ему же принадлежат «Политические фельетоны в стихах. 1952—1959» (Мюнхен, 1959). Николай Моршен в стихотворениях «Тюлень» и «Вечером 7 ноября» своего первого сборника противопоставляет человека тоталитарному обществу. Владимир Юрасов пишет вариацию на тему поэмы А. Твардовского «Василий Теркин», герой которой рассказывает о советских концлагерях, о нищенской пред- и послевоенной жизни деревни, высмеивает партийных руководителей. В эмиграции поэтам надо было прежде всего освободиться от давящей атмосферы прежней жизни и лишь затем перейти к более объективному и философски глубокому изображению реальности и своих переживаний.

Через религию пришел к положительному восприятию жизни **Юрий Иваск** (1907—1986)², эмигрировавший в 1944 г. в Германию из Эстонии, а с 1949 г. живший в США.

В эмиграции им опубликованы книги стихов «Царская осень» (Париж, 1953), «Хвала» (Вашингтон, 1967) и «Золушка» (Нью-Йорк, 1970), «Завоевание Мексики» (Холиоук, 1984), сборник «Я — мещанин» (Холиоук, 1986), посмертно вышли его прозаическая «Повесть о стихах» (Нью-Йорк, 1987) и поэма «Играющий человек» (Париж — Нью-Йорк, 1988). Большое влияние

на мировоззрение поэта оказали труды К. Леонтьева, о котором Иваск написал превосходную книгу (Верн, 1974).

¹ Отец Елагина — поэт-футурист Венедикт Март (Матвеев) погиб в годы политических репрессий (расстрелян в 1937 г.). — *Примеч. ред.*

² Отдельных изданий стихотворений Ю. Иваска в России нет. Из зарубежных наиболее значимые: «Хвала», «Золушка», «Завоевание Мексики», «Я — мещанин». Перу Ю. Иваска принадлежит монография «Константин Леонтьев (1831—1891): жизнь и творчество». Верн, Frankfurt, M., 1974.

Неизвестно, писал ли стихи Иваск, находясь в Германии, но, несомненно, что мрачные годы беженства наложили на его поэзию неизгладимый отпечаток по принципу от обратного: вместо характерного для большинства послевоенных поэтов эмиграции пессимистического настроения уже первая книга стихов Ю. Иваска называется «Хвала» и воссоздает земной рай, хвалу Творцу.

Это не значит, что поэт не видит драматических начал жизни, но он занимается Рае-творчеством. В стихотворении «Мандельштам» Иваск утверждает, что и в жестокий век ласточка (любимый образ Мандельштама) влетает в окно, и даже в Сибири, этом символе каторги и ссылок, «медовой, матовой рекой струится // Пчелино-солнечное волшебство». Поэт находит «голубой и синий рай // Уже за частоколом, за околицей» («Сан Анхель»). Даже на кладбище у него «победу торжествует лазоревое небо», а не пасть могилы («Таско»). «Звезды и бездны — небытие», — полемически утверждает Иваск и продолжает: «Будьте приветливы, здравы и праздны, // Дурочку жизнь, полюбите ее!» («Братья, скрывайте сущую правду...»). Ангелы в стихах сборника «шуршат цветами», «шалют», «приплясывают» («Тонанцинтла»), словом, ведут себе вполне по-земному.

В «Царской осени» присутствуют мотивы неземного успокоения:

Куда, в какую синеву
Небес, высокую и выше,
Куда, неведомо, плыву?
Земные шумы тише, тише.

Поэт в звучных стихах, широко пользуясь аллитерациями и ассонансами (критика даже называла их «необарочными», а сам поэт в «Повести о стихах» признавался в любви к «игре слов и звуков»), воздает «Хвалу» небесам, святым местам Афона, Италии и, разумеется, России. Провинциальный русский Звенигород стоит вровень со святынями Европы:

Невидимые зитаки,
Полуденные, звенят —
Твои узнаю я знаки,
Звенигород, Звениград!
Земной полуденный рай,
Пока не вышел из строя,
Позванивая играй!

«Я навсегда остался без русского пространства под ногами, но моей почвой стал русский язык, и моя душа сделана из русского языка, русской культуры и русского православия», утверждал он в своем «Последнем слове» незадолго до смерти (опубликовано посмертно).

Ему дороги все проявления тварного мира: и итальянский «вокзальный вечный мальчишка // У вылезавших из машины — Вырывающий чемодан» («Принц и нищий»), и уходящее в небо «Болдино» и даже Хлестаков — «Повеса — вовсе не задира, // Из Петербурга милый Лель!» («Хлестаков»).

Вполне романтично звучат и названия стихотворений поэта: «Акрополь», «Салоники», «Венеция», «Фиозоле», «Равенна», «Ассизи», «Керетаро», «Ушмал», «Оахака», «Чулула».

Интерес к высокому в сочетании с бытовым проявился в названии сборника «Я — мещанин». Тема Бытия соединяется, как это делали его любимый Г. Державин и В. Розанов, с бытом, высокая лексика с низкой, с просторечием («остолоп», «отхариваю», «шваль», «стоеросовая дура»). «Ничто мне бытие без быта», — декларирует Ю. Иваск в стихотворении «Исходя из Розанова». Критики считают, что свою роль в таком отображении действительности сыграли английская метафизическая поэзия XVII века (Дж. Херберт (1593—1633) и Дж. Донн (1572—1631)) и религия ацтеков (поэт семь раз посетил Мексику). «Мучительно-значительно равны // Базилики, базары и трущоба — / Все осязаемости, а не сны» («Римские строфы» II). Равновелики и равноценны для поэта «немытые угольные руки» на рынке и мраморные руки великих творений. «Обывательщину не отдам даже <...> за блаженство-благоденство там» («Европейская площадь в Париже»). Эту контрастность, заостренность Иваск называл «принципом барокко». Душа в стихах Ю. Иваска то называется сердитой «убогой старушкой», то скотинушкой (без всякой доли осуждения, как синоним живости). Одноименные стихотворения посвящены редиске и борщу. В одной строфе встречаются «обезьяны, карлы, замки, море, воины, Урсула, корабли»; «вазы, голубочки, псы»; «парки, пифии, гетеры музы» и «куклы, тряпки» («Витторе Карпаччо»). Мысль о теодицее (наличии зла) в Божьем мире воплощается в образе «перлы и плевки».

В цикле, посвященном художникам прошлого, автор стихов видит в первую очередь приметы обычной жизни, что не мешает тут же вспоминать имена святых. Но это единство и позволяет поэту утверждать, что «В раю мы будем дома» («Римские строфы» IV). Философским итогом сборника звучит стихотворение «Памятник», еще одно в длинном ряду одноименных произведений русской и мировой поэзии:

Одаряю рай не цветами радуги:
Виноградной волной углой Венеции,
Солнцем-яичницей грузной Фландрии,
Розами, дымами тощей Испании.
Следуя Данту, Донну, Державину,
Человек я, с горя резво играющий,
Северный; розгой, крапивой венчаемый;
Славлю речью, родной, Мастера Господа.

В позднем творчестве Иваск увлекся игрой словом и звуком. В одних случаях эти поиски были интересны, как например, в стихотворении «Гласные»:

Пели-пели-пели,
Пили-пили-пили,
Поле-поле-поле,
Пули-пули-пули,
Пали-пали-пали;

в других — малопонятны.

«Резвая игра» словами, метафорами, литературными аллюзиями (часто разъясненными автором в примечаниях), звуками и рифмами, наличие сюрреалистических образов впервые проявились в «Золушке» (1970) и получили предельное выражение в поэме «Играющий человек» (1973). Название поэмы взято по книге голландского культуролога Йохана Хейзинга «Homo Ludens». Свою поэму Иваск определил как «гимн благодарения». «В нем, — пишет американская исследовательница Т. Пахмусс, — сочетаются не сразу поддающиеся расшифровке философские и литературные намеки, цепь разнородных ассоциаций и образов и “звуковые” сцепления. <...> В основу текста заложены две темы — тема играющего человека, живущего вне времени в пространстве, и тема рая, существующего одновременно на земле и в небесах. <...> “Homo Ludens” — это также поэма о литературе»¹. Автор обращается к воспоминаниям своей жизни, то дает свои комментарии, то адресует стихи различным поэтам, с которыми он был знаком лично или по стихам (Вяч. Иванову, Г. Адамовичу, В. Перелешину, И. Бродскому, Д. Бобышеву) или упоминает их (Н. Моршена и В. Маркова). Вся эта сложная система, построенная по принципу свободного монтажа, должна, по мнению автора, помочь ему самому и читателю обрести рай.

Если Ю. Иваск и Д. Кленовский (см. гл. 19), едва оказавшись на свободе, сразу стали писать о радостях земли, то у большинства освобожденные затягивалось надолго, налагая на стихи трагический, чтобы не сказать пессимистический, оттенок. Однако с годами (и в этом проявлялась «русскость», национальное своеобразие поэзии) социальные темы почти у всех крупных поэтов второй волны все чаще переходили в философские, а мировосприятие обретало пушкинскую гармонию.

Это видно даже из сопоставлений названий сборников. У Елагина: социально-биографическое «По дороге туда» (1947, 1953) сменяется философским «В зале Вселенной» (1982). У Моршена социологизированный «Тюлень» (1959) вытесняется космологическим «Эхом и зеркалом» (1979) и лирико-философским «Умолкшим жаворонком» (1996). (Подробнее об этих двух поэтах см. гл. 20, 21.)

Ярким примером подобного пути служит творчество **Валентины Синкевич** (род. 1926)² — одного из крупнейших поэтов «второй волны» русской эмиграции, критика и издателя.

Валентина Алексеевна Синкевич родилась в Киеве, выросла в городе Остер на границе России, куда ее родители уехали, чтобы избежать репрессий (одно из ее лучших стихотворений посвящено «Городу детства Остеру»). В 1942 г. была принудительно отправлена на работы в Германию. После войны находилась

¹ Пахмусс Т. Об авторе «Homo ludens» // Иваск Ю. Играющий человек. Париж; Н-Й, 1988.

² В России издано несколько книг В. Синкевич, в том числе: Поэтессы русского зарубежья: Л. Алексеева, О. Анстей, В. Синкевич. М., 1998; На этой красивой и страшной земле. М., 2004; «...с благодарностию: были». М., 2002; Мои встречи: русская литература Америки. Владивосток: Рубеж, 2010.

в лагере для перемещенных лиц, а в 1950 г. переселилась в США. Живет в Филадельфии.

Стихи Синкевич пишет с детства. На ее первый сборник «Огни» (1973) откликнулись рецензиями И. Одоевцева и Ю. Терапиано. Ей принадлежат сборники стихов «Наступление дня» (1978), «Цветение трав» (1985), «Здесь я живу» (1988). Все они вместе с циклом «Новые стихи» вошли в книгу «Избранное» (Филадельфия, 1992). На родине вышли стихи Синкевич «На этой красивой и страшной земле» (2004), воспоминания «...с благодарностью: были» (2002), «Мои встречи: русская литература Америки» (2010).

В своем творчестве Синкевич проделала путь из одиночества (среди поэтических образов ее первой книги туман, медленно плывущая река, «топкая гладь души», «души бетонная гладь», «задохнувшаяся улица», и лишь телефон связывает лирическую героиню с людьми) к приятию мира, утверждая, что нельзя жить,

не заметив узорчатость платья
мотыльков, и зверей, и деревьев,
Всей земли нашей крепкое братство:
шерсть, и листья, и травы, и перья —
золотое наше богатство!

(Прохожему)

Поздние стихи Синкевич пронизывает чувство сопричастности поэта ко всему происходящему:

Может в этом есть нечто странное —
письма пишу в разные страны я,
разным людям пишу я разное
и их письма ко мне праздную.

Боже мой, как все волнующе!
Прошлое, настоящее, будущее —
в рифму, в строчку и в строчечку:
сын родился, похоронили дочечку...

Что мне до этого. Что мне до этого!
Все это строчечки не поэтовы.
Но нет. Мне житейское варево,
будто на небе великое зарево.

Малое все — велико одинаково.
Все именую в жизни Итакою.
Плыть нам всем вместе. Поэтому
Все вдохновляет. Все здесь поэтово.

Если в ранних стихах поэтессы звучал «плач по зверю», то в позднем своем творчестве она утверждает возможность «сплава зверей с людьми». Это, писала автору книги поэтессы, «отнодь не поэтический вымысел, а нечто весьма реальное, некое мироощущение, родственное Швейцеру. Друзья давно считают меня слегка “тронутой” и имеют на то основание:

у меня в доме пятеро бывших бездомных собак и двое котиков за домом». И уже в стихах:

В тесном доме моем находят приют звери и люди,
книги с твоими картинами, знают неведомую нам ворожбу.
Пусть говорят твои мысли, что в будущем ничего не будет.
Все справедливо. И я благословляю свою судьбу.

«Нам заказано не быть // Нам — быть!» — пишет Синкевич в стихотворении «Быть».

Силу для такой пушкинской умиротворенности в трагическом XX столетии поэта черпает из веры в Слово:

...нас чужим давило бытом,
сбивало с речи, с пути и ног.
Но карта — нет, еще не бита,
и Слово не покинуло порог
пустого, старенького дома —
он обречен уже на слом.
Но мы стоим, как будто нету слома, —
во всем отчаяньи своем!
(Вокруг чужая речь, своя ли...),

в «стихотворение»:

Пора принять нам свой жребий
и честно с собой говорить.
Тоска? Что бывает нелепей!
Не лучше ль покорно поплыть
к единственной видимой цели —
к перу и к бумаге в столе.
Когда-то нас вспомнят:
мы пели на этой красивой земле.
(Пора принять нам свой жребий...)

Мы «плакали, днями работали, а к звездам шли по ночам», — пишет она в другом стихотворении.

Сквозные образы поэзии Синкевич — костер, звезда и книги. Именно они придают ее стихам суровый оптимизм и философскую глубину:

Пусть горит огонь костра и камина.
И страна, и земля эта уже не чужбина.
Только время бежит, очень быстро бежит время.
И горит огонь...
<...>
Ты идешь по дороге, зная горечь разлуки,
Ты пройдешь все — и не умоешь руки.
Ты поймешь все — от молчанья до Слова
И найдешь хлеб и найдешь кров у другого крова.
Ты забудешь степь, полюбив моря и пустыни.
Ты переломишь хлеб, горький хлеб. И отныне

Будет сладок он. И огонь гореть будет в доме.
Будет в доме живой огонь.

(*Огонь*)

В этом стихотворении почти каждое слово несет несколько смыслов, синтаксис и ритм сознательно затруднены, чтобы напрячь, активизировать читательское восприятие.

В поздних стихах Синкевич ярко выражено чувство сопричастности поэта ко всему происходящему, в первую очередь к России («Стихи о России»), а затем и к остальному миру тоже. Ее волнуют и войны на Ближнем и Дальнем Востоке, и Африка, и трагические события 11 сентября.

Стремясь наиболее полно передать философскую мысль, поэтесса порой пользуется в позднем творчестве белым стихом, «не заботясь, чтоб стих был гладок и голос красив».

«В себя открываю я двери», — образно скажет В. Синкевич о своей способности чувствовать духовное родство с американскими поэтами и прозаиками. Позднее это чувство родства воплотится в цикле эссе «Мои встречи», где она рассказывает русским читателям об американской культуре, и в лекциях о русской литературе, которые уже много лет читает американцам в таком необычном учебном заведении, как мэйнлайновская Школа для людей разных возрастов и профессий.

В серии эссе, вошедших в книгу, озаглавленную строчкой из четверостишия Жуковского «...с благодарностию: были» писательница создала живые портреты А. Седых (1902—1994), И. Елагина, Б. Филиппова и многих других, с кем ее сводила судьба. А во второй части книги рассказала о путешествиях по местам жизни американских писателей.

В сентябре 2016 г. Валентина Синкевич отпраздновала свой 90-й день рождения. Американские друзья издали к этому дню сборник ее стихов разных лет «При свете лампы» (Нью-Йорк, 2016). Наряду с известнейшими в книгу вошли новые стихи, свидетельствующие о том, что Синкевич сохранила душевную бодрость и обрела невиданную раньше элегическую философичность:

Сейчас не все ль равно? Уже пора
навек убраться со двора —
ведь время. Время: вот оно
стоит и смотрит на окно,
твое окно,
закрытое давно.

Но ты открой его: в долинах и горах
идет зеленый май в цветах,
и ты ему навстречу крикни: — Ах! —
на иностранном своем странном языке,
услышанном недавно даже вдалеке...

(*Волею судьбы*)

Стихотворение с грустным названием «Безысходность» завершается совсем не безысходными слегка юмористическими строками:

...ещё живу я,
и думаю, хожу,
и жизнь свою живую
хорошей нахожу.
Сменивши дни на ночи,
Читаю и пишу.
А старость — что есть мочи
Смиреннейше ношу
Не на руках, а на спине я.
И выхода не нахожу:
живи я хоть в Сиднее —
что делать мне? Пишу.

Соединил в себе талант выдающегося литературоведа, критика и поэта **Владимир Марков** (1920—2013)¹.

Летом 1941 г. он добровольцем ушел на фронт. Осенью того же года попал в плен и полвека прожил за границей. Ему пришлось собирать апельсины на американской ферме, пока в 1949 г. он не устроился преподавать русский язык в школу военных переводчиков в Монтерее, где работал и Н. Моршен. Защитив диссертацию, преподавал русскую литературу в Университете Лос-Анджелеса. Здесь создана его монументальная «История русского футуризма», подготовлено собрание сочинений В. Хлебникова.

Знаменательно, что, составляя свой итоговый сборник «Поэзия и одностроки» (Мюнхен, 1984), мэтр предварил первую часть (полностью повторяющую книгу 1947 г.) грустным эпитафием из «Осени» Р. М. Рильке («Кто без жилья — уж поздно строить дом, // Кто одинок — тому им оставаться...»). В ранних стихах поэт называет себя «последним в мире трубадуром» и утверждает, что «Наверно, кто-то очень неумелый // Играет упражненьем нашу жизнь» («Сумерки»). Марков не только «не в силах снять с души нагар», но и рифмует жизненную «роль» человека со словом «боль» («Неразделенная минута»). Даже на ласковой земле Италии душа лирического героя Маркова «слепа, душа глуха: // Нет чувств, нет мыслей, нет желаний» («Весной и солнцем дышит грудь...»). В стихотворении «Там, где прекращается живое...» поэт испытывает «боль без облегченья, // Злобу на земную слепоту». Он «убегает в выдумку от боли», ему «жутко на земле» («Мы стоим у притворенной двери...»).

Однако по мере развития лирического сюжета книги в ее герое пробуждается любовь.

¹ Книги В. Маркова: Поэзия и одностроки = Gedichte und Einzeiler. Einleitung von George Ivask. München, 1983 (Центрифуга, 51) ; О свободе в поэзии. СПб., 1994 ; Гурилевские романсы. СПб. 2000 ; История русского футуризма. СПб., 2000.